

УДК 882(929)

**Л.Н. ТОЛСТОЙ, М. ХАЙДЕГГЕР, А.М. ГИЛЯЗОВ
О СУЩНОСТНОМ «Я» ЧЕЛОВЕКА**

А.М. Саянова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье рассматриваются тексты, на первый взгляд весьма далёкие друг от друга: роман Л.Н. Толстого «Анна Каренина» (1873–1877), философские статьи М. Хайдеггера, в частности «Творческий ландшафт: Почему мы остаёмся в провинции?» (“Schöpferische Landschaft: Warum bleiben wir in der Provinz?”, 1933–1934) и «Просёлок» (“Der Feldweg”, 1949), роман-воспоминание А.М. Гилязова «Давайте помолимся» («Йәгез, бер дога!», 1989–1993). Однако более пристальное изучение выявило герменевтически осмысленные переклички между ними, которые могут стать значимыми при определении универсальных, онтологических понятий о homo sapiens. Речь идёт об установлении сущностного человеческого «я», осуществлённом разными авторами: русским писателем-классиком XIX в., одним из крупнейших немецких философов и татарским народным писателем XX в. Обнаружение резонанса в отношении обозначенной характеристики в произведениях трёх названных авторов свидетельствует о том, что сущностное содержание «я» как универсальная составляющая личности – основной критерий в оценке человека, его мыслей и поступков. Именно это должно привлекать переводчика, ставиться во главу угла его взгляда, поскольку сущностное в человеке, будучи природным его содержанием, объединяет автора произведения с переводчиком.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, М. Хайдеггер, А. Гилязов, герменевтика, сущностное «я» человека, перевод

Понятно, что интерес к перекличкам в текстах нескольких авторов мотивируется фактом обнаружения чего-то схожего в рассматриваемых произведениях, причём это схожее может возникать необязательно по причине реминисценций, вольных или невольных, явных или едва уловимых. В рамках данной статьи нас будет интересовать резонанс в текстах, на первый взгляд весьма далёких друг от друга. Однако эти переклички герменевтически осмысленные; более того, они могут стать весьма значимыми при определении универсальных, онтологических понятий о человеке. К таковым в нашем случае относится определение сущностного «я» человека, сделанное, казалось бы, очень разными авторами:

- русским писателем-классиком Л.Н. Толстым (1828–1910);
- одним из крупнейших немецких философов М. Хайдеггером (Martin Heidegger, 1889–1976);
- татарским народным писателем А.М. Гилязовым (1928–2002).

Об их произведениях пойдёт речь в данной статье. Однако прежде необходимо подчеркнуть следующее. Обнаружение перекличек (резонансов) в текстах трёх названных писателей – представителей разных национальностей, культур и языков – интересно не только в научно-филологическом их смысле, но и в практическом, а именно в переводческой деятельности, поскольку сущностное, будучи универсальным, природным началом в человеческом содержании, является тем, что в первую очередь привлекает переводчика как читателя, с чего и начинается (или может начаться) процесс перевода.

Наша задача – вычленив из произведений данных литературных деятелей, мироощущение и мировоззрение которых во многом (пусть не во всём) были близкими (факт нужный, но необязательный), то общее в человеческой природе, что позволяет быть привлекательным и интересным переводчику – представителю другой нации, культуры, языка (языка генетического, даже при знании переводимого языка). В этой связи справедливости ради повторим известную истину о том, что перевод национального и даже культурно-исторического – задача весьма и весьма непростая. Вместе с тем подчеркнём ещё раз, что именно онтологическое как базовая характеристика человека, его внутреннего сущностного мира может объединять писателей-авторов и писателей-переводчиков, различающихся по национальной принадлежности, социально-политической и даже художественно-эстетической. Именно интерес к сущностному в основе человеческого «я» должен ставиться переводчиком-интерпретатором во главу угла при обращении к тому или иному тексту.

Методологической базой, объединяющей тексты Л.Н. Толстого, М. Хайдеггера и А.М. Гилязова, стало для нас онтологическое определение слова, данное родоначальником немецкого экзистенциализма, создателем учения о Бытии как об основополагающей и неопределимой, но всем причастной стихии мироздания. Его положение «Из диалога о языке. Между японцем и спрашивающим» (“Aus einem Gespräch von der Sprache. Zwischen einem Japaner und einem Fragenden”, 1953–1954) о том, что «сущностный источник в корне различных языков должен быть одним и тем же» [1, с. 286], воспринимается нами как отправная точка в рассуждениях о художественном слове, представленном на трёх языках: русском, немецком и татарском.

Как известно, роман Л.Н. Толстого «Анна Каренина» (1873–1877) уже в то время воспринимался как вызов европеизирующемуся русскому обществу с проявляющимся в нём новым типом отношения к браку, семье, что взволновало писателя и послужило толчком к написанию этого произведения. Век технизации, по мнению русского классика, пагубно сказывается на сущностном содержании человеческого «я». Эта мысль стала сквозной в романе, а символическое выражение содержится в образе железной дороги. Последняя у Толстого своими «лучами» похожа на звезду Полюнь – знак несчастья (Откр. 8:11) [2].

В XX в. схожее отношение к веку индустриализации стало формироваться и в самой Европе. Ярчайшим доказательством подобной позиции является творчество одного из крупнейших немецких философов Мартина Хайдеггера, которого на протяжении всей жизни занимали онтологические проблемы, в частности Бытие в его сущностном содержании. В целом ряде работ, особенно позднего

периода творчества, поднимаются вопросы индустриального, или кибернетического, общества времени постава¹.

М. Хайдеггера, как и Л.Н. Толстого, волновали проблемы внутреннего мира homo sapiens в условиях так называемого технического прогресса, что даёт нам право на сравнительный анализ отдельных произведений двух гигантов философской мысли человечества. Это позволяет поставить вопрос об осмыслении философской сути романа «Анна Каренина» в переключке с онтологической философией позднего Хайдеггера, для которого, по признанию всех исследователей его творчества, характерен собственный литературный стиль: «Языку Хайдеггера, впрочем, как и гегелевскому, свойственна особая выразительность» [3].

Прежде чем приступить к решению заявленной проблемы, считаем необходимым представить в комментариях несколько основных хайдеггеровских терминов-понятий. Человеческое бытие, существование индивида определяется философом как место в мире: немецкое *Dasein* 'существование' – это здесь-бытие. Человек как элемент целого «получает в бытии свой смысл, он соотражён с целым – в первую очередь с миром-окружением, но также с небом и землёй» [4, с. XXII]. Рассуждения позднего Хайдеггера, которые А.В. Михайлов называет «философией просёлка» [4, с. XIII], касаются прежде всего того, что век индустриализации нарушает гармонию между человеком и миром, человек перестаёт быть «соотражённым с целым» [5, с. 287]. Немецкого философа крайне волнует процесс субъективизации человеческой личности. В работе «Исток искусства и предназначение мысли» (“Die Herkunft der Kunst und die Bestimmung des Denkens”, 1967) он выражает своё волнение за состояние искусства в индустриальном мире, который постепенно становится кибернетическим. Он пишет: «Индустриальное общество – это доведённая до крайних пределов “яйность”, то есть субъективность» [5, с. 287].

По мнению Хайдеггера, который сам сформировался как мыслитель в век индустриального общества, необходимо сделать «шаг назад», что он представил в двух своих работах, где звучит призыв вернуться к естественной жизни:

- 1) «Творческий ландшафт: Почему мы остаёмся в провинции?» (“Schöpferische Landschaft: Warum bleiben wir in der Provinz?”, 1933–1934) (Х.Т.Л.);
- 2) «Просёлки» (“Der Feldweg”, 1949) (П.).

Символически ёмкие образы дуба и просёлка в его программной статье «Просёлки» свидетельствуют о том, что человек как элемент целого соотражён в первую очередь с небом и землёй. Так, дуб – символ всего живого на земле – неустанно говорил просёлку, по которому должен прошагать свою жизнь человек, о том, что «расти означает – раскрываться навстречу широте небес, а вместе корениться в непроглядной темени земли; он говорил о том, что самородно-подлинное родится лишь тогда, когда человек одинаково и по-настоящему готов исполнять веления превышних небес, и хоронится под защитой несущей его на себе земли» (П., с. 239).

Внимание филолога в небольшом эссе М. Хайдеггера «Творческий ландшафт: Почему мы остаёмся в провинции?» привлекает умение философа выписывать

¹ Постава – устройство для размола зерна, состоящее из двух жерновов, один из которых вращается, а другой укреплен неподвижно (http://noun_ru.academic.ru/7658).

свои онтологические рассуждения, перемежая их с художественными описаниями. Вот как он пишет о жизни провинции: «Луга и пастбища тянутся вверх по склону до самого леса с его высокими, тёмными, старыми елями. А над всем этим стоит ясное летнее небо, в сияющие просторы которого широкими кругами взмывают два ястреба.

Вот мой мир – мир, в котором я тружусь, если смотреть на него созерцательным взором гостя и отпускника. Я же, собственно, никогда не рассматриваю этот ландшафт. Я постигаю его в опыте жизни...» (Х.Т.Л., с. 218). Поэтически выпитанный пейзаж ландшафта мы видим глазами «гостя и отпускника». А для повествователя эти луга и пастбища, этот лес «с его высокими, тёмными, старыми елями» – мир его существования. Он даёт возможность «торжествовать» его философии: «Когда во мраке зимней ночи вокруг хижины бушует снежная буря с её свирепыми порывами ветра, когда всё окрест застилает снежная пелена, всё скрывая от глаз, вот тогда наступает время торжествовать философии» (Х.Т.Л., с. 218).

Хайдеггер определяет характер своих рассуждений так: «И эта философская работа протекает не как сторонние занятия чудака, засевшего в своём углу. Самое место ей – среди крестьянских трудов» (Х.Т.Л., с. 219). Таким образом, крестьянская самобытная жизнь, мир природы «несут и направляют», как пишет автор, труд философа, то есть являются источником самобытной «философии просёлка».

На наш взгляд, русский вариант философии о сущностном содержании человека ещё до М. Хайдеггера выписан Л.Н. Толстым в его романе «Анна Каренина». Толстой устами своего героя Константина Левина, за которым, как пишут биографы и исследователи творчества писателя (см., например, [6]), во многом угадывается сам автор, представляет мировоззрение, генетически связанное с мудростью русской патриархальной жизни.

Левин Толстого, как и Хайдеггер, находит своё понимание бытия, живя естественными земными интересами, окунаясь в крестьянский труд, который и связывает человека с его корнями – землёй, вместе с тем открывает ему просторы неба, возвышает душу.

Миропонимание Левина как русский вариант «философии просёлка» формировалось не сразу, герою стоило огромных трудов прийти к правде жизни, к познанию сущностного в своём «я». Он проходит через многие испытания, прежде всего проверки светской жизнью.

Л.Н. Толстой, рисуя жизнь Левина после женитьбы, пишет: «Теперь он, точно против воли, всё глубже и глубже врезывался в землю, как плуг, так что уж и не мог выбраться, не отворотив борозды» (Л.Т., с. 750). И далее: «Жить семье так, как привыкли жить отцы и дети...» (Л.Т., с. 750). У Толстого, как и у Хайдеггера, земля – это то, что определяет бытие и сущностное содержание человеческого «я». Выражение этого сущностного в человеке, когда он «врезывается в землю», происходит «точно против воли». Это толстовское «против воли» говорит о том, что человеку не надо искать сущностное своего «я» через что-то внешнее, оно в самом природном содержании человека, в его корнях, в той земле, на которой он родился, на которой он живёт, оно во всём том, что человек неосознанно творит изо дня в день. Эту мысль Толстой ещё раз закрепляет словами Левина о том, что вся его жизнь, наполненная тем, чем «привыкли жить

отцы и деды», «не имела для него никакого смысла, когда он думал» (Л.Т., с. 751). Не думая, Левин «твёрдо знал, что ему надо делать, он точно так же знал, как ему надо всё это делать и какое дело важнее другого» (Л.Т., с. 751). Жизнь по законам земли и неба не нуждается и в оценочных суждениях: «Хорошо ли, дурно ли он поступал, он не знал и не только не стал бы теперь доказывать, но избегал разговоров и мыслей об этом» (Л.Т., с. 751).

Как только человек воспринимает себя мыслящим субъектом, способным на анализ, разбивается в его глазах гармония бытия, рушится цельность внутреннего мира. «Рассуждения, – пишет Л.Н. Толстой о своём Левине, – приводили его в сомнения и мешали ему видеть, что должно и что не должно. Когда же он не думал, а жил, он, не переставая, чувствовал в душе своей присутствие непогрешимого судьи, решившего, который из двух возможных поступков лучше и который хуже; и как только он поступал не так как надо, он тотчас же чувствовал это» (Л.Т., с. 751–752).

Толстой, оценочно комментируя поступки героя и его мысли о смысле жизни, пишет: «...он жил хорошо, но думал дурно» (Л.Т., с. 757). Русский писатель-классик XIX в., как и немецкий философ XX столетия, своей интуицией мыслителя знает, что сущностное в человеке, то есть его духовные истины, коренится в самой земной жизни. Ответ на долго мучавший Левина вопрос «В чём смысл жизни?» не могла дать мысль, его дала сама жизнь, в «знании того, что хорошо и что дурно» (Л.Т., с. 757). Наконец, Л.Н. Толстой, как и позже М. Хайдеггер, отрицает разум в открытии того, что есть в душе человека. Внутренний монолог Левина звучит так: «А кто открыл это? Не разум. Разум открыл борьбу за существование и закон, требующий того, чтобы души всех, мешающих удовлетворению моих желаний. Это вывод разума. А любить другого не мог открыть разум, потому что это неразумно» (Л.Т., с. 757).

Следуя принципу «точечной герменевтики», обратимся к татарскому народному писателю А.М. Гилязову, роман-воспоминание которого «Давайте помолимся!» («Йәгез, бер дога!», 1989–1993) (Г.А.; Гил.²) отразил век поставы в его тоталитарном выражении. Как А.И. Солженицын (1918–2008), В.Т. Шаламов (1907–1982) и И.Н. Салахов (1911–1998), он прошёл путь политического узника тюрем, лагерей советской системы. Его произведение нам интересно в плане переключки основных мыслей о человеке с экзистенциальными размышлениями Л.Н. Толстого, М. Хайдеггера.

А.М. Гилязов, как и мыслители XIX в., а также его современники, понимает человека не случайной частью целого³. Основная мысль романа Гилязова, на наш взгляд, состоит в том, что человек обретает в бытии своё значение, которое сводится к осознанию сущностного, природного в *homo sapiens*. Причём связь с «сущностным источником» не зависит от социальных, политических и других внешних обстоятельств жизни. Не допустить размежевания – вот смысл человеческого существования. А.М. Гилязов, точно М. Хайдеггер в немецкой философской мысли и Л.Н. Толстой в русской литературе, заявляет о том, что человек в своём

² Как сообщается в постскрипуме, данное произведение в переводе на русский язык запланировано к выпуску отдельной книгой Татарским книжным издательством в 2017 г. (Гил., с. 87).

³ Под понятием «целое» вслед за Хайдеггером мы имеем в виду Бытие, принимая онтологическое толкование.

сущностном содержании, если говорить языком Хайдеггера, всегда соотражён с целым, в первую очередь с миром-окружением, а также с небом и землёй.

Философско-политический подтекст романа-воспоминания «Давайте помолимся!» сообщает главным образом о том, что тоталитарная система века поставлена на нарушение гармонии между человеком и миром, человек перестаёт быть соотражённым с целым, он разрушается как личность. Однако пафос произведения таков: люди при любых обстоятельствах жизни продолжают оставаться в пределах своего сущностного содержания – это суть самой его природы. Авторские думы о человеке как личности формируются благодаря дару А.М. Гилязова видеть в нём внутреннее, природное содержание, которое и делает человека частью целого, поскольку по природе своей он устроен так, что именно сущностное делает человека человеком.

Основой сущностного источника человеческого «я» в авторской концепции романа-воспоминания А.М. Гилязова «Давайте помолимся!» становится Коран, поскольку автор аргументирует своё мнение об изображаемом национальными представлениями о жизни, мире, в которых существенную роль играла эта священная книга мусульман. На примере типа ментальности одной нации он говорит о значимости для человека того, что закладывается как основа человеческого существования, во многом восходящая к религиозно-нравственным источникам. Анализируемое произведение – светская книга по содержанию и по форме. Здесь нет обильных цитат из Корана, приводится лишь молитвенное обращение к Всевышнему и в финале – фрагмент из 14-й суры «Ибрахим»⁴, о чём подробнее скажем далее. Герой-повествователь, за которым стоит сам автор, признаётся в том, что он, будучи человеком, выросшим в тоталитарной системе, не помнит наизусть многих текстов из Священного Писания. Но дух Корана для писателя-татарина – это та сила, которая определяет сущностное содержание его как личности.

Уже самим названием А.М. Гилязов обнажает лейтмотив произведения – в память о тех, кто прошёл ужасы тоталитарной системы. И память эта должна выразиться как «хорошее слово», как молитва о тех, с кем суждено было пройти по дорогам неимоверно трудной судьбы. Именно поэтому мотив дороги, структурообразующий в романе, соединяет в одну цепочку всех персонажей произведения, которые называются автором «попутчиками» («юлдашларым»). Этот мотив определяет также их портретные характеристики: узники показаны глазами человека сродного, которого сводит с ними удел. Кистью великолепного словесного художника создана огромная галерея. При этом обращает внимание то, что в психологически тонко выписанных портретных характеристиках присутствует роковая печать, а стержневым началом в выражении внутреннего мира «попутчиков» является эмоциональный тон молитвы. «Доброе слово» о каждом – это то, что может живущий воздать Всевышнему в знак памяти о погибших. Причём как стержневое начало человеческой души подчёркивается наличие в душе человека веры в её онтологически-религиозном значении. Так, выписывая портрет и судьбу Авдеева, одного из спутников по Казанской тюрьме на «Чёрном озере», герой-повествователь говорит о том, что ни от чего так не страдал узник, как от отсутствия возможности молиться перед иконой. У несчастного был отобран

⁴ http://islam-koran.com/Сура_14,_Ибрахим/.

и нателный крест. Как о сущностном в его «я» в то же время сообщается: не могло быть тех сил, которые бы изменили веру Авдеева в милосердие и справедливость его Бога (Г.А., б. 97). Вместе с тем автор подчёркивает: нет ничего, что так обогащало бы ум человека, как тюрьма (Г.А., б. 88). Сущностное в человеке держится на религии, не на анализе мира, а на вере в её иррациональном смысле.

О многозначности, ёмкости слова «дога» («молитва») в национальной культуре татар, оказавшего существенное влияние на авторскую концепцию рассматриваемого нами романа, пишут современные исследователи (см., например, [7]). Как говорит сам текст романа-воспоминания, у автора это – память, выраженная как «доброе слово» («яхшы сүз») (Г.А., б. 511), слово о тех, с кем свела его дорога судьбы. В контексте сказанного концептуально важен финал произведения, который расширяет смысловое содержание данного понятия. Герой-повествователь много лет спустя после освобождения, в 1989 г., возвращается к местам лагерной жизни, когда работал на кирпичном заводе, – в Центральный Казахстан (Караганда – Актас). Там он совершает молитву по тем, кто забыт, чьи кости незахороненные разбросаны по земле. Важнейшей мыслью автора является следующая: каждый, кто стал жертвой тех страшных лет, даже тот, кто с точки зрения земных взглядов на него, социально-политических прежде всего, совершал ошибки, не так жил, не стал достойным гражданином с позиции тоталитарной системы, нуждается в молитве-дога.

Ближе к финалу, обращаясь к своему читателю, автор пишет: «Мөхтәрәм укучым! Берүк син мине ялгыш аңлама: власовчыларны, бандеровчыларны, Балтыйк буе көрәшчеләрен жылы караш белән язып үтсәм дә, алар арасында иблис мәлгунь фатихасы белән яралган, гөнаһлы кан дәрьясында йөзәргә генә остарган монафикълар, мөртәтләр, жасуслар барлыгын да истән чыгармыйк! Кешелек төркөмнәре, кайсы милләтләрне укмаштырып яшәсә дә, берчакта да Тәңре теләгән сыйфатларга ия була алмый! Берчакта да! Галәмнең ком бөртеге – Жир шарында иблис баранда, адәмнәр берчакта да иманга килеп бетәчәк түгел». – «Уважаемый читатель! Не пойми меня неправильно: если я тепло отзывался даже о власовцах, бандеровцах, борцах Прибалтики, конечно, надо помнить, что среди них были кровавые преступники. Человеческое общество, из какой бы национальности оно не состояло, никогда не может обладать качествами, которых хотел бы для него Всевышний! Никогда! На Земле – песчинке Вселенной, пока на ней будет иблис [дьявол], люди никогда не смогут прийти к вере настоящей, к тому, что называется заповедями Бога»⁵ (Г.А., б. 503–504). Тут, как видим, даётся аналитическая сентенция, которая объясняет его взгляд на человека.

Тюремные, лагерные будни для А.М. Гилязова – это не только невероятные трудности, тяжелейшие испытания, но и школа жизни. Эта мысль рефреном проходит через всё произведение. «Университеты» сталинского периода («... төрмәләр Сталин чорының университетлары да иде!») (Г.А., б. 510) научили Гилязова-человека видеть в каждом своём «попутчике» по дорогам судьбы его сущностное, то есть природное человеческое содержание, которое не может быть истреблено в homo sapiens ни при каких жизненных обстоятельствах. Пусть оно заглушается, подавляется тем, что диктует система; у Гилязова здесь речь идёт о России –

⁵ Здесь и далее перевод наш. – А.С.

«сильной и страшной стране» («Рәсәй – көчле вә явыз ил») (Г.А., б. 503). Но уничтожить эту силу в человеке, понял А.М. Гилязов, не может ничто. И потому все его «попутчики» – жертвы системы, которая никогда не может быть справедливой, устроенной по заповедям Всевышнего, – нуждаются в поминальной молитве («дога»). Обращаясь в своей памяти к ним, приравнивая их к святым, он произносит, как поминальную молитву, слова благодарности: «Урыслар, яһүдиләр, японнар, немецлар, балкарлар – дөнъяның бөтен якларыннан большевизм камаган бәхетсезләр! Мин сезнең һәрбарчагызга искиткеч рәхмәтлемен: минем рухым бөтенлеген сез саклап калдыгыз, жанымның Аллаһы Тәгалә биргән бөтенлеген ваттырмадыгыз». – «Русские, евреи, японцы, немцы, болгары – несчастные жертвы большевизма всего мира! Я благодарен каждому из вас: вы сохранили твёрдость духа моего, Всевышним данное целое моей души» (Г.А., б. 510).

На последней странице романа-воспоминания, как было отмечено нами выше, автор открыто обращается к Священной книге мусульман – Корану, вечной истине, стоящей на страже чести и совести, объединяющей живых и ушедших. Приводится в его переводе на татарский язык 24-й аят (стих) из суры «Ибрахим»: «Гыйбрәтләрне мисалга китергәндә Аллаһы Тәгаләнең кодрәтле яхшы сүз әйтүен искәртмәдеңмени? Яхшы сүз таза агач кеби ул, тамыры нык, тирәнгә киткән, ә ботаклары күккә ашкан!» – «Когда приводишь что-то поучительное, разве не помнишь о силе хорошего слова Всевышнего? Хорошее слово – оно как крепкое дерево, корни которого уходят глубоко в землю, а ветви устремлены в небо!» (Г.А., б. 511). Вот он основной источник главного мотива произведения А.М. Гилязова – мотива силы доброго слова («яхшы сүз»). Доброе слово лежит в основе молитвы («дога»). Её автор читает на своём языке, приводя цитату из Корана – важнейшей книги его нации. Между тем она понятна всем другим его «попутчикам» – представителям самых разных национальностей, поскольку сущностное всех языков остаётся одним и тем же.

Именно через доброе слово А.М. Гилязов и постиг сущностное в человеке, соотражённое с целым как с миром-окружением, так и с небом и землёй, то есть со всем земным и с тем небесным, что определяет душу человека. Татарский прозаик конца XX в., подобно Л.Н. Толстому и М. Хайдеггеру, интуицией писателя-мыслителя постигал человеческую сущность, определяемую его земной жизнью и духовными истинами, источниками которых, как он считал, должны оставаться Священные книги человечества. Герой-повествователь романа, за которым сама судьба А.М. Гилязова, аналогично Левину у Л.Н. Толстого, а также М. Хайдеггеру в его художественно-философских размышлениях, находит ответы на вопросы, что скрыты в подтексте романа-воспоминания «Давайте помолимся!»:

- В чём смысл памяти, доброго слова?
- Как при всех ужасах тюремной и лагерной жизни, описание которых невозможно без языка натурализма, сохранять в себе, не ограничиваясь голой констатацией фактов биографии, уважение к внутреннему миру других?

По большому счёту, не может дать ответа на вопрос только рациональный путь постижения истины, путь констатации реалий жизни. Ответ автору, а вслед за ним герою, даёт тот опыт жизни, который постигается не столько умом, сколько сердцем. Именно он открыл А.М. Гилязову, если воспользоваться языком Льва Толстого, «знание того, что хорошо и что дурно» (Л.Т., с. 757).

А.М. Гилязов, как и его предшественники, с которыми он находится в резонансе, отрицает первичность разума в открытии того, что есть в душе человека как сущностное её содержание. Анализ человеческого мира в его социально-политическом выражении, открыто представленный в конце произведения, не может дать, как понимает сам автор, ответа на главный вопрос. Герой-повествователь Гилязова, как когда-то герой Толстого в романе «Воскресение» (В.), берёт в свои руки Священную книгу и в ней находит ответ на вопрос, который содержится в подтексте названия произведения. Оно включает сквозной мотив веры, предполагающий не рациональное, а интуитивное, иррациональное постижение сущностного в человеке. Именно этим объясняется достаточно странное начало романа-воспоминания: «“И-и, төрмәнән сөнечле мизгелләре!” дип башлап китсәм, хөрмәтле укучым, бу бәндә эллә эзрәк ычкынганмы, дип рәнжеп-сүгенеп, китапны ябып куярга ашыкма, зинһар! Эгәр бик күпләр күзеннән ишерелгән төрмә тормышы бары тик кайгы-хәсрәттән генә торса, аннан берәү дә исән-аман чыга алмас иде!»⁶ (Г.А., б. 86). – «Если начну свой рассказ словами: “Эх-х, счастливая тюремная пора!”», не торопись укорять да ругать меня, дорогой читатель, мол, автор-то, похоже, рассудком помутился, и не спеши, пожалуйста, закрывать книгу! Если бы скрытая от многих глаз тюремная жизнь состояла из одних только горестей-бед-печалей, то никто бы оттуда живым не вышел!» (Гил., с. 79).

Таким образом, становится очевидным, что выявленные переклички творчества Л.Н. Толстого с творчеством немецкого философа XX в. М. Хайдеггера – с одной стороны, А.М. Гилязова, татарского писателя того же века, который, как и Хайдеггер, на себе испытал мощь тоталитаризма, подавляющего человеческую волю, – с другой, говорят о том, что для всех троих сущностное содержание человеческого «я» как универсальная составляющая личности является основным критерием в оценке человека, его мыслей и поступков. Толстой ещё в XIX в. на примере русского человека сказал о человеке вообще, о сущностном содержании души человека, и это то главное, что должно объединять авторов произведений с теми, кто берётся за переводы.

Благодарности. Работа выполнена при поддержке РФФИ и Правительства Республики Татарстан (проект № 16-14-16027).

Источники

- Л.Т. – *Толстой Л.Н.* Анна Каренина. – М.: Худож. лит., 1976. – 780 с.
 В. – *Толстой Л.Н.* Воскресение. – М.: Наука, 1964. – 579 с.
 Г.А. – *Гыйләҗев А.М.* Йәгез, бер дога! // *Гыйләҗев А.М.* Сайланма әсәрләр: 6 т. – Казань: Тат. кит. нәшр, 2013. – Т. 1. – Б. 86–511.
 Гил. – *Гилязов А.* Давайте помолимся! (главы из романа) / Пер. с татар. Н. Ишмухаметова // *Аргамак.* – 2016. – № 1. – С. 79–87.
 Х.Т.Л. – *Хайдеггер М.* Творческий ландшафт: почему мы остаёмся в провинции? // *Хайдеггер М.* Работы и размышления разных лет / Пер. с нем. – М.: Гнозис, 1993. – С. 218–221.

⁶ Курсив наш. – А.С.

П. – *Хайдеггер М.* Просёлок // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет / Пер. с нем. – М.: Гнозис, 1993. – С. 238–241.

Литература

1. *Хайдеггер М.* Из диалога о языке. Между японцем и спрашивающим // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / Пер. с нем. – М.: Республика, 1993. – С. 273–302.
2. Откровение св. Иоанна Богослова. – URL: <http://rusbible.ru/sinodal/otkr.html>, свободный.
3. *Кириллова Е.* Хайдеггер Мартин: биография, философия. – URL: <http://fb.ru/article/198427/haydegger-martin-biografiya-filosofiya>, свободный.
4. *Михайлов А.В.* Философия просёлка // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет / Пер. с нем. – М.: Гнозис, 1993. – С. XI–XXXVI.
5. *Хайдеггер М.* Исток искусства и предназначение мысли // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет / Пер. с нем. – М.: Гнозис, 1993. – С. 280–292.
6. *Бабаев Э.Г.* «Анна Каренина» Л.Н. Толстого. – М.: Худож. лит., 1978. – 160 с.
7. *Хэбетдинова М.М.* А. Гыйләжевның «Йәгез, бер дога!» роман-хатирәсендә милли һәм дини традицияләрен үзенчәлекле яңгырашы // Гыйләжев А.М. Сайланма әсәрләр: 6 т. – Казань: Тат. кит. нәшр, 2013. – Т. 1. – Б. 615–658.

Поступила в редакцию
20.03.16

Саяпова Альбина Мазгаровна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: Albina.Sayapova@kpfu.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2017, vol. 159, no. 1, pp. 55–65

L.N. Tolstoy, M. Heidegger, and A. Gilyazov about the Essential Human “Self”

A.M. Sayapova

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia
E-mail: Albina.Sayapova@kpfu.ru

Received March 20, 2016

Abstract

The paper deals with the problem of the resonant similarities in the texts by L.N. Tolstoy, M. Heidegger, and A. Gilyazov. The research is based on the data of the literary works of the authors mentioned above: “Anna Karenina” by L.N. Tolstoy; “Philosophy of the Country Road” and “Creative Landscape” by M. Heidegger; “Let’s Pray” by A. Gilyazov.

The aim of the research is to reveal the resonant similarities of the texts under study to conceptualize the fiction expression of the essential content of the human “self”, which is the most important factor of any literary work stimulating the interest of the translator in the translated piece.

The tasks of the research are as follows:

1) to reveal the resonant similarities of the texts of three authors, which are seemingly different from each other;

2) to demonstrate that these seemingly distant similarities, when hermeneutically conceptualized, may serve as meaningful in our revelation of the universal ontological phenomena about the human being;

3) to demonstrate that the revelation of resonant similarities in ontological characteristics of the inner “self” of the person is the evidence that the essential “self” of the human being as a universal part of a personality serves as the basic criteria in the evaluation of a human being, their thoughts and actions. This essential source is meant to attract the translator, to be in the focus of their view as it is the natural content that unites the author and their translator.

The methodological basis uniting the texts of three authors under consideration is seen as the ontological definition of a word provided by M. Heidegger. His statement that the essential source, even based on different languages, must be the same (“A Dialogue on Language between a Japanese and an Inquirer”) has been accepted in our paper as a terminus a quo, in our reflections on the word of fiction presented in three languages.

The prospect of our research lies in the possibility to construct the fiction variability of the notion “essential” content of the human “self” depending on the author’s approach.

Keywords: L.N. Tolstoy, M. Heidegger, A. Gilyazov, hermeneutics, essential human “self”, translation

Acknowledgments. The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Government of the Republic of Tatarstan (project no. 16-14-16027).

References

1. Heidegger M. Time and Existence: Articles and Speeches. *Iz dialoga o yazyke. Mezhdru yapontsem i sprashvayushchim* [Dialogue on Language. Between a Japanese and an Inquirer]. Moscow, Respublika, 1993, pp. 273–302. (In Russian)
2. Book of Revelation. Available at: <http://rusbible.ru/sinodal/otkr.html>. (In Russian)
3. Kirillova E. Heidegger Martin: Biography, Philosophy. Available at: <http://fb.ru/article/198427/haydegger-martin-biografiya-filosofiya>. (In Russian)
4. Mikhailov A.V. Heidegger M. Works and Thoughts from Different Years. *Filosofiya proselka* [The Philosophy of Country Road]. Moscow, Gnozis, 1993, pp. XI–XXXVI. (In Russian)
5. Heidegger M. Works and Thoughts from Different Years. *Istok iskusstva i prednaznachenie mysli* [The Origin of Art and the Destination of Thinking]. Moscow, Gnozis, 1993, pp. 280–292. (In Russian)
6. Babaev E.G. L.N. Tolstoy’s “Anna Karenina”. Moscow, Khudozh. Lit., 1978. 160 p. (In Russian)
7. Khabutdinova M.M. Gilyazov A.M. Selected Works. 6 Vols. *Roman-vospominanie A.M. Gilyazova “Davaite pomolimsya” kak svoeobraznyi otzvuk pamyati natsinal’noi i religioznoi traditsii* [A.M. Gilyazov’s Novel-Memoir “Let’s Pray” as a Specific Echo of Memory in the National and Religious Tradition]. Vol 1. Kazan, Tatar. Kn. Izd., 2013, pp. 615–658. (In Tatar)

⟨ **Для цитирования:** Саяпова А.М. Л.Н. Толстой, М. Хайдеггер, А. Гилязов о сущностном «я» человека // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2017. – Т. 159, кн. 1. – С. 55–65. ⟩

⟨ **For citation:** Sayapova A.M. L.N. Tolstoy, M. Heidegger, and A. Gilyazov about the essential human “self”. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2017, vol. 159, no. 1, pp. 55–65. (In Russian) ⟩